

УПРАЗДНЕНІЕ ИДЕАЛОВЪ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Алексѣя Плѣтнева

(Человѣка).

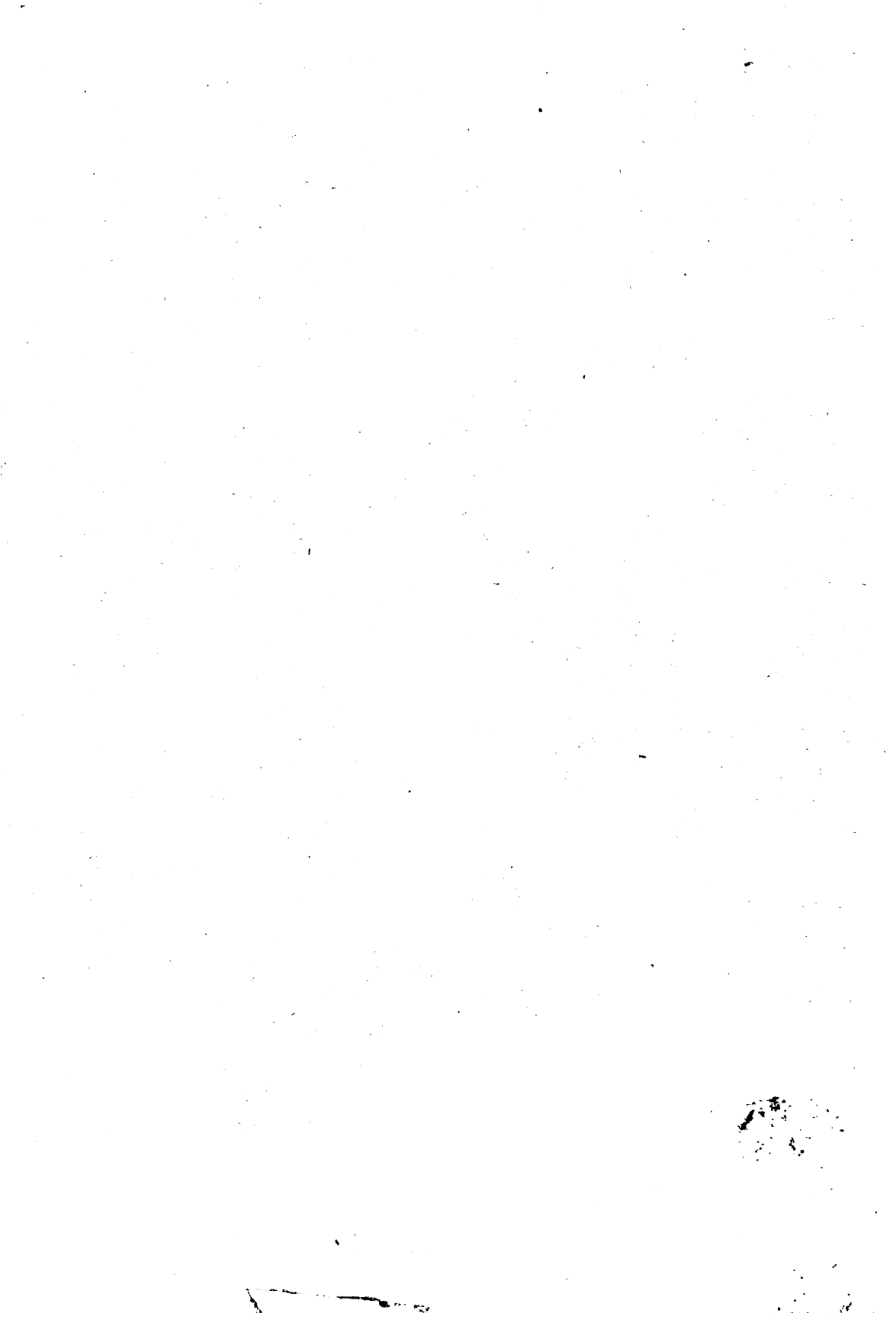

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Троицкая, № 18.

1899.

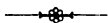
9334

A. Pletnev

УПРАЗДНЕНІЕ ИДЕАЛОВЪ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Алексѣя Плетнева

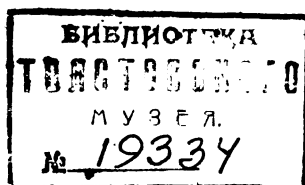
(Человѣка).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Троицкая, № 18.

1899.

86

(RECAP)

HN.523

P55

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 августа 1898 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
1. Упраздненіе идеаловъ	7
2. Нашъ космополитизмъ.	14
3. Нравственный идіотизмъ	19
4. О петербургской скукѣ	26
5. Дамскій вопросъ	35
6. Лжеинтеллигенція	41
7. О „реализмъ“ въ литературѣ	47
8. Жизнь и идеализмъ	53
9. О безсиліи слова.	59

1133(188) 208119

Предлагаемая читателю статьи, соединенныя подъ общимъ заглавіемъ: „*Упраздненіе идеаловъ въ современномъ обществѣ*“ имѣють цѣлю указать русской интеллигенціи то зло экономическое и политическое, которое грозитъ странѣ, гдѣ отсутствуютъ нравственные идеалы, въ томъ числѣ и патріотизмъ понимая подъ этимъ словомъ *національное самосознаніе*. Доказывать это отсутствіе, думаю, — дѣло излишнее. Имъ отмѣчены всѣ явленія современной намъ общественной жизни и литературы.

Дѣло публициста — указать на опасность; дѣло общества — противодействовать такому злу.

УПРАЗДНЕНІЕ ИДЕАЛОВЪ.

Всякая эпоха въ исторіи нравственнаго развитія общества отмѣчена извѣстнымъ направленіемъ, извѣстной окраской. Такъ, въ одно время господствуетъ, напр., милитаризмъ, въ другое гуманизмъ или идеализмъ, а если опредѣлять эти эпохи по лѣтоисчисленію, то говорятъ о періодѣ 40-хъ годовъ, 60-хъ и т. п. Какія вліянія дѣйствуютъ на эти эпохи, въ смыслѣ ихъ окраски, трудно опредѣлить, особенно для современниковъ. Это легче сдѣлать на исторической дистанціи, когда факты, въ общей суммѣ, поражаютъ своей красотой или безобразіемъ. Точно также и теперь мы переживаемъ эпоху, весьма трудно опредѣлимую, но которую за неимѣніемъ болѣе точнаго и рельефнаго выраженія могли бы назвать эпохою *упраздненія идеаловъ*, за полною ихъ ненадобностью въ современномъ строѣ жизни, когда всякій живетъ для себя, слѣдуя извѣстному изрѣченію конца прошлаго вѣка: „послѣ насъ хоть потопъ“. Но со времени произнесенія этихъ циничныхъ словъ отживавшаго и развращеннаго поколѣнія исторія прорубила такія просѣки въ темномъ бору невѣжества, расширила такіе новые горизонты для идеала добра и прогресса, что, казалось бы, возвращеніе къ этому антикварному прошлому должно быть невозможнымъ для людей нашего поколѣнія. На дѣлѣ же выходитъ, что возможно. Конечно, идеалы существуютъ и теперь, но изнанные, прямо противоположные тому, что принято подъ ними разумѣть, основанные на одномъ личномъ благополучіи и удовольствіи плотояднаго, стихійнаго эгоизма. И это даже не эгоизмъ, который въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣетъ свое оправданіе въ

общественномъ устройствѣ, но это какая то новая, хищная форма эгоизма, которую слѣдовало бы назвать и новымъ словомъ— *себятиной*, что-ли, и которая ужъ не удовлетворяется одними матеріальными барышами, но возводится въ принципъ и прямо требуетъ поклоненія себѣ. Такимъ образомъ, на мѣстѣ прежнихъ устоевъ нравственного міровоззрѣнія, постепенно возвысился языческій храмъ, гдѣ денно и нощно происходитъ какой то шутовской обрядъ поклоненія своему я, со всѣми исходящими послѣдствіями. Тотъ аферистъ, который печатаетъ о себѣ объявленія, гдѣ на бѣломъ фонѣ красуется только одно огромное и дурацкое я, попалъ, что называется, въ центръ современнаго культа и навѣрное пользуется такимъ же огромнымъ и дурацкимъ успѣхомъ. Здѣсь не важно, что и какъ онъ работаетъ, а важно самомнѣніе, полное презрѣніе къ окружающимъ я, не имѣющимъ еще смѣлости отпечататься въ величину сивушнаго штофа. И если бы нашелся любитель, который занялъ бы своимъ я все пространство газетнаго листа, даже безъ указанія адреса, то навѣрное найдутся люди, которые его отыщутъ и совершатъ передъ нимъ вышеназванный обрядъ жертвоприношенія.

Съ вещественныхъ предметовъ реклама перешла на духовныя качества. Человѣкъ рекламируетъ свою наглость, свое безстыдство совершенно такъ же, какъ купецъ свою гнилую муку или залежавшуюся тухлую рыбу. Онъ дѣйствуетъ самоувѣренно, зная, что поступаетъ по духу времени, и спросъ на него, понятно, громадный. Вотъ въ какое милое время мы живемъ. Этотъ повальный, огульный эгоизмъ охватилъ вся и всѣхъ, караулитъ васъ со всѣхъ сторонъ и налетаетъ на васъ со скоростью курьерскаго поѣзда и свирѣпостью хищнаго звѣря, оставляя послѣ себя одни объѣдки и раззореніе.

Человѣка съ упраздненнымъ идеаломъ не всегда легко отличить, хотя онъ обрѣтается во всѣхъ слояхъ и сферахъ общества, начиная отъ биржи и кончая благотворительнымъ учрежденіемъ.

Онъ—вездѣ, гдѣ можно поживиться и гдѣ требуетъ мѣдный лобъ и ловкая изворотливость. На лицѣ его написано одно блаженное самодовольство или горькая необходимость слопать „изъ принципа“ своего ближняго. И замѣйте, что это большею частью интеллигентъ, даже свѣтскій человѣкъ, при хорошемъ мѣстѣ и въ

разговорѣ всегда возвышенно ратующій за общественные интересы, за прогрессъ, а главное за то, чтобы у насъ было „какъ въ Европѣ“. По этой фразѣ и узнаешь упраздненнаго человѣка. Для него Европа служитъ оправданіемъ всякой панамщины, шантажа и скандала. Разъ такъ дѣлается въ Европѣ, значитъ, намъ и самъ Богъ велитъ поступать такъ же. Для него ясны, какъ дважды два—четыре, слѣдующіе двѣ аксіомы: во-первыхъ, культурность Европы, противъ которой возразить нельзя, во-вторыхъ, ея яко бы нравственная развращенность, которую онъ, какъ наикультурнѣйшій человѣкъ, моментально перенимаетъ и насаждаетъ съ прямолинейнымъ тупоуміемъ. Послушать его, такъ въ Европѣ не существуетъ ни чести, ни патриотизма, ни религіи, ни семейныхъ узъ—и подѣ страхомъ прослыть за идіота, вы обязаны съ нимъ согласиться. Какой бы крупный скандалъ ни совершился въ Европѣ, упраздненный интеллигентъ сейчасъ же имъ воспользуется, чтобы повторить его хотя бы въ миниатюрѣ, но съ вѣрнымъ барышемъ въ предѣлахъ любезнаго отечества, за что и получаетъ аттестацію культурнаго и современнаго человѣка.

Новаго въ этихъ „новыхъ“ идеалахъ, конечно, ничего нѣтъ. Они были и суть неотъемлемая принадлежность хищнической и темной массы. Если какой-нибудь Титъ Титычъ оберетъ васъ или надуетъ, подсунувъ вамъ гнилой товаръ, вы даже не удивитесь, будучи съ дѣтства просвѣщены извѣстнымъ коммерческимъ принципомъ: „не обманешь—не продашь“. Ново въ этомъ современномъ явленіи только то, что оно побѣдоносно, наконецъ, проникло въ такъ называемые интеллигентные слои, гдѣ, понятно, и расцвѣло тѣмъ болѣе пышнымъ цвѣткомъ, чѣмъ почва оказалась обработаннѣе. Вотъ почему слово „интеллигенція“ становится все болѣе синонимомъ „эксплоатаціи“ съ тѣмъ отягчающимъ обстоятельствомъ, что аппелляціи на нее не существуетъ, ибо если вы будете искать защиты у другихъ, то только встрѣтите сугубый отпоръ, и такимъ образомъ вамъ приходится вертѣться въ безвыходномъ кругѣ.

Наглядность этой современной эволюціи можетъ быть доказана самымъ обыденнымъ примѣромъ изъ вседневной жизни. Кому не приходилось имѣть несчастье искать меблированную комнату, сдаваемую отъ такъ называемаго „интеллигентнаго семейства“?

И что же? Вы непременно попадете въ цѣпкіе когти просвѣщенной семьи, сдирающей съ васъ въ тридорога за лачугу, въ которой повернуться нельзя, и гдѣ вы будете имѣть удовольствіе съ утра до вечера слушать надъ самымъ вашимъ ухомъ раздрающій голосъ хозяйки, разучивающей, благодаря все той же своей интеллигенціи, послѣднюю методу пѣнія. При этомъ дѣти, если таковыя имѣются въ домѣ, будутъ галопировать по корридору—по рецепту также новой методы гимнастики, а въ подаваемыхъ щахъ вы непременно найдете таракана, ибо хазяйка, отвлеченная интеллигентными занятіями, не имѣетъ времени присматривать за кухаркой. Въ утѣшеніе вы можете хвастаться передъ знакомыми, что живете въ интеллигентной средѣ и имѣете постоянно передъ глазами плоды этой интеллигенціи во всемъ чудовищномъ своемъ расцвѣтѣ. Къ сожалѣнію, эта „себятина“, соединенная съ полнымъ презрѣніемъ къ интересамъ другихъ, замѣчается въ сферѣ, гдѣ, казалось бы, ей не слѣдовало быть.

Недавно нѣкій журналистъ, пишущій въ большой газетѣ, во всеуслышаніе призналъ свою солидарность съ упраздненными отъ всякаго идеала людьми. Въ фельетонѣ, озаглавленномъ „Суровая правда“, но который вѣрнѣе было бы назвать „Откровенный эгоизмъ“, онъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ высказалъ взглядъ гг. литераторовъ новѣйшей формаціи на тотъ классъ людей, которыхъ Достоевскій обезсмертилъ подъ названіемъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Судите сами. Въ кабинетъ сытаго журналиста врывается одичалый отъ нужды интеллигентъ, просящій если не матеріальнаго, то сердечнаго участія. Вы, конечно, думаете, что журналистъ, хотя для поддержанія доброй славы литературныхъ преданій, отзовется возможно сочувственно къ названному субъекту. Не нужно забывать, что одна изъ самыхъ утѣшительныхъ и свѣтлыхъ сторонъ нашего русскаго литературнаго міра—это именно беззавѣтная вѣра общества и особенно молодежи въ его гуманные и высокіе идеалы. Вѣра эта, пріобрѣтенная, можно сказать, цѣлымъ рядомъ нравственныхъ подвиговъ на пользу общества лучшихъ представителей нашей литературы, составляетъ самый цѣнный ея кладъ. Но не тутъ-то было. Современный литераторъ прочелъ суровую отповѣдь одичалому интеллигенту и съ честью отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Интересно бы знать, поду-

малъ-ли современный литераторъ о томъ, какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ какой-нибудь Достоевскій или Тургеневъ? Или онъ считаетъ воззрѣнія этихъ литераторовъ уже отжившими и отсталыми, отдающими слащавой наивностью добраго стараго времени? Поживемъ—увидимъ. Увидимъ, возможно-ли цѣлому поколѣнію прожить безъ идеаловъ и уподобить задачи нравственной жизни реестру прихода-расходной книги, не избѣгнувъ въ концѣ-концовъ всесторонняго и полнаго краха: ибо интеллигенція безъ идеала не стоитъ ломанаго гроша.

Нигдѣ такъ ярко не отражается это „упраздненіе идеаловъ“, о которомъ идетъ рѣчь, какъ именно въ литературѣ. Литература служила и будетъ всегда служить тѣмъ духовнымъ зеркаломъ, въ которомъ общество увидитъ свое отраженіе. Тѣ, которые жалуются на современное оскудѣніе крупныхъ талантовъ въ литературѣ, могли бы вѣрнѣе жаловаться на отсутствіе добродѣтелей въ нынѣшнемъ обществѣ. Связь между литературой и жизнью настолько же сильна, какъ связь между слѣдствіемъ и причиной. И можно бы напередъ сказать, что явись въ наши дни великій литературный талантъ—онъ остался бы непонятымъ и забытымъ. Такое явленіе наблюдалось, впрочемъ, и раньше: сколько въ исторіи литературы существуетъ громкихъ именъ, которыя получили настоящую оцѣнку только въ слѣдующемъ поколѣніи. Къ счастью, идеалы добра и красоты остаются вѣковѣчными: они только временно могутъ потускнѣть и померкнуть въ сознаніи общества. Но придетъ время и рано или поздно всякій попадетъ на свою полочку, какъ выразился Бѣлинскій.

Если бы нужно было подыскать еще новое доказательство пониженія нашей литературы и гг. литераторовъ въ качественномъ и моральномъ отношеніи, то можно бы указать на ту характерную склонность современныхъ литераторовъ обмѣнивать перо чистыхъ художниковъ на перо журналистовъ, фельетонистовъ и т. п. дѣятелей печатнаго слова. Можно бы назвать довольно много именъ лицъ, составившихъ себѣ извѣстность въ литературѣ и нынѣ аккуратно отписывающихъ „по службѣ“ статьи и фельетоны въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Конечно, этотъ фактъ не носить въ себѣ ничего позорнаго. Онъ доказываетъ одно и при этомъ несомнѣнно: что литераторъ исписался и что

называется выдохся. При этомъ замѣчается интересное явленіе: часто болѣе значительный литераторъ оказывается изъ рукъ вонъ плохимъ фелетонистомъ; менѣе извѣстный—оказывается болѣе подходящимъ для этой работы. Дѣло въ томъ, что публицистика, будучи менѣе высокимъ литературнымъ жанромъ, требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе индивидуальныхъ качествъ: темперамента, убѣжденности, искренности. Я, конечно, не говорю о корифеяхъ литературы, о тѣхъ, о которыхъ можно сказать, что они „мыслятъ образами“. Эти, конечно, и на почвѣ публицистики оказались бы на одинаковой высотѣ, если бы соблаговолили на нее опуститься. Но я говорю о писателяхъ средней руки, не то чтобы очень большихъ и не то чтобы очень малыхъ, о тѣхъ, у которыхъ талантъ, если бы его анализировать, оказался бы состоящимъ изъ полуподражанія, полунаблюденія и вообще половиннаго качества. Вотъ эти часто и оказываются въ публицистикѣ ничуть не выше профессиональныхъ построчныхъ писателей. Если же они рѣшаются размѣнивать приобрѣтенную извѣстность на „пятаки“, то дѣлаютъ это въ полномъ убѣжденіи, что они исписались и новаго въ литературѣ ничего не скажутъ. А сказать имъ нечего все по той же причинѣ: вслѣдствіе отсутствія идеала, составляющаго единственный неисчерпаемый источникъ вдохновенія. А идеаль этотъ зиждется на вѣрѣ въ положительныя стороны человѣческой души. Мнѣ, можетъ быть, укажутъ на Эмиля Золя, берущаго предпочтительно низкія и грязныя стороны человѣчества предметомъ своего вдохновенія, производительность котораго, однако, до сихъ поръ бьетъ неизсякаемымъ ключемъ. Но кромѣ феноменальной, положительно рѣдкой выносливости въ трудѣ, Золя задался научной цѣлью въ своихъ романахъ. Онъ скорѣе ученый писатель, чѣмъ художественный писатель. А во-вторыхъ, несмотря на объемъ своего литературнаго труда, наврядъ-ли онъ оставитъ послѣ себя очень долгій слѣдъ. Его книги представляютъ интересный документъ для характеристики извѣстной эпохи—и только. Онъ не останется, какъ Диккенсъ, какъ нашъ Достоевскій или даже какъ Викторъ Гюго—писателемъ, которымъ будущія поколѣнія будутъ зачитываться для отдохновенія и назиданія. Въ чудномъ надгробномъ словѣ, сказанномъ Викторомъ Гюго на могилѣ Бальзака, онъ между прочимъ указываетъ, что въ творе-